

ВОКРУГ **СВЕТА**

4 1972
АПРЕЛЬ

Н. К. РЕРИХ с сыновьями — Юрием (слева) и Святославом (справа).

Ю. РЕРИХ:

пустыня покоряет сердце

С наступлением марта 1927 года для экспедиции началась страдная пора. Нужно было выбрать маршрут, укомплектовать экспедицию рабочими и обеспечить караванными животными. Также предстояло частично обновить снаряжение, отремонтировать и реконструировать палатки и пополнить запасы продовольствия.

Еще не все области Внутренней Азии были изучены, нужно было искать новые районы, исследовать их и запечатлеть в картинах. Китай исключался из-за ожесточенной внутренней борьбы, охватившей эту огромную страну. Оставался Тибет — страна снегов — Тибет, который в прошлом привлекал внимание блестящей плеяды исследователей.

Сначала невозможно было сказать, в каком направлении мы сможем пройти по Тибету, чтобы добраться до периферии Южной Азии. Центральный Тибет с его большими городами-монастырями казался идеальным местом для исследования древностей. Большая часть печатных дворов находилась недалеко от Лхасы и Шигацзе, и мы надеялись приобрести там интересную коллекцию гравюр и рукописей. Было принято решение направиться к Цент-

ральному Тибету и уже там выбрать дальнейший путь. Оказавшись в Центральном Тибете, мы могли либо продолжать путешествие по юго-восточному району страны и переправиться в провинцию Юньань в Китае и оттуда во Французский Индокитай, либо через крайне непривлекательную, покрытую лесом местность, пересеченную многочисленными реками, Британскую Бирму.

...Чтобы обеспечить безопасное продвижение экспедиции через запретную часть Тибета, нужно было получить соответствующее разрешение от тибетского правительства.

В феврале 1927 года тибетский представитель в Улан-Баторе направил запрос по телеграфу в Лхасу. Из тибетского консульства был послан специально чиновник. К концу марта он возвратился с доброй вестью, что правительство Лхасы дало санкцию на выдачу паспортов членам экспедиции.

Много дней пришлось потратить на то, чтобы получить сведения о населенных пунктах маршрута, о переходах, о состоянии водных ресурсов в пустыне и транспортных возможностях. Единственная экспедиция, проходившая по некоторым участкам этого маршрута, была организована генералом П. К. Козловым в 1899—1901 годах. Юго-запад Гоби остае-

Окончание. Начало в № 3.

ся одним из наименее изученных районов пустыни Монголии и Центральной Азии.

Из существующих карт этого района мы могли получить весьма смутное представление об этой стране. Кроме того, те немногие монголы, ламы и тибетские торговцы, которые находились в Улан-Баторе и знали этот путь, различным населенным пунктам давали разные названия, и было совершенно невозможно вычислить маршрут по существующим картам. Единственные пункты маршрута которые можно было нанести на карту, были монастырь Юм-бэйсе, оазис Шара-Хулусун, Аньси и Ших-паоченг в горах Нань-Шаня — обычные южные конечные стоянки караванного пути.

Мы решили идти к Юм-бэйсе и намеревались от Улан-Батора добираться до Юм-бэйсе на машинах.

...Хорошо осведомленные лица советовали нам выехать в начале апреля, до того как пески в пустыне оттают и станут рыхлыми.

Караванный сезон для верблюдов начинается во второй половине августа и продолжается всю зиму до апреля или мая. Этот период приходится на самое холодное время года, и число обмороженных людей или с обезображенными обмороженными лицами, ушами и конечностями совершенно ужасающее. Мне однажды довелось в самый разгар зимы

У озера Зайсан закончился первый этап экспедиции — закончился отъездом Н. Рериха в Москву. Спустя некоторое время в Улан-Удэ начинается второй ее этап.

Экспедиция, конечно же, не увенчалась бы таким успехом, если бы ближайшим помощником Николая Константиновича не был его старший сын — востоковед Юрий Николаевич Рерих, один из крупнейших знатоков истории и культуры народов Востока.

После окончания экспедиции Ю. Н. Рерих издал капитальную монографию «По тропам Центральной Азии». В предисловии к оксфордскому изданию монографии крупный французский востоковед Луи Марин писал, что книга Ю. Н. Рериха является вкладом первого порядка в мировое востоковедение.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из этой книги, рассказывающие о втором этапе экспедиции.

видеть большой караван тибетцев и монголов, идущих из Тибета. Они вышли из Сининга в сентябре и на протяжении четырех месяцев прокладывали себе дорогу по не защищенной от ветра пустыне Гоби. Многие из них заболели воспалением легких и умерли всего в нескольких переходах к югу от Улан-Батора. Даже эти люди, закаленные и привыкшие к трудным условиям караванных путешествий, не могли вынести таких испытаний. Те, кто выжил, отморозили себе носы и щеки, и длинные полоски потемневшей кожи свисали с их лиц. Ужасно распухшие и почерневшие ноги и руки, со зловонными ранами, с признаками прогрессирующей гангрены, были убедительным доказательством их страданий. И, несмотря на это, люди были бодры и даже считали, что путешествие прошло очень успешно, потому что караван прошел невредимым район к северу от Канзу, наводненный грабителями. Эти торговцы готовы вынести любые лишения во имя того, чтобы их товары и караванные животные дошли целыми и невредимыми.

Кроме того, путешествия в пустыне для них, вероятно, имеют особую притягательную силу, поскольку они снова и снова бросают вызов опасностям суровых зим Гоби и проходят сотни миль

чтобы продать несколько штук тибетских материй или благовонных палочек. Это нельзя объяснить только соображениями личной выгоды, ибо торговля между Монголией и Тибетом никогда не достигала широкого размаха. Объяснение этому стремлению в пустыню следует искать в самой природе пустыни, которая проявляет непостижимое, почти сверхъестественное воздействие на каждого, кто хоть раз побывал в ее необозримых просторах. Море неотступно влечет к себе моряка, но пустыня покоряет сердце караванщика, который вновь и вновь возвращается в ее незабываемые бесконечные просторы.

За месяц нам удалось набрать достаточное количество людей, которые могли бы быть и обслуживающим персоналом экспедиции, и боевой силой в случае нападения шайки бандитов. Каждый должен был знать, как ему надо действовать в случае нападения, как ухаживать за конем и обращаться с оружием.

Большая часть людей раньше были охотниками и меткими стрелками, и многие из них были хорошими всадниками — очень важное качество в условиях экспедиции, исключающее стертые спины и избивающее животных от страданий. Помимо военной подготовки и упражнений в стрельбе, людей обучали ставить и разбирать палатки. Они должны были хорошо знать эти обязанности, чтобы разбить быстро лагерь после длительного, тяжелого перехода.

...Срок нашего пребывания в Улан-Баторе быстро истек, и дата отъезда, назначенная на 15 апреля, уже приближалась. 14 апреля ворота базы экспедиции широко распахнулись, и машины вошли во двор.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГОБИ

30 апреля 1927 года. ...Перед заходом солнца мы спустились с возвышенности и остановились на северной стороне равнины, покрытой гравием и густо поросшей кустарником саксаула. Начали разбивать лагерь, как вдруг холодный порыв ветра, за которым последовал отдаленный шум в горах, где-то к северо-востоку от стоянки, возвестил о приближении монгольского урагана. Спустился несколько мгновений ураган бушевал над лагерем. К счастью, он длился недолго — поднимая тучи песка, ураган пронесся по равнине на юго-запад. Ночь прошла спокойно: мы приняли все меры предосторожности и насколько было возможно крепче закрепили палатки. Для путников такие ураганы и песчаные бури всегда великое бедствие. От них совершенно невозможно защититься. Ураган ломает опору палатки, разрывает и разбрасывает ее, заносит толстыми слоями песка настил палатки и постель.

На следующий день мы снова продолжали путь по сухому руслу реки, стекавшей когда-то с гор в южную часть равнины. Дни становились заметно жарче, и у верблюдов начала выпадать клочьями шерсть. После восьмичасового перехода по покрытой гравием равнине мы остановились на ночевку в пустыне, у колодца с солоноватой и неприятной на вкус водой. Повсюду вокруг возвышались невысокие дюны. Далеко на юге виднелись горы Шара-Хулусун — таинственное место, которое всем нам очень хотелось увидеть. Наши проводники говорили, что Шара-Хулусун — узкое, покрытое лесом ущелье с небольшой горной речушкой на дне его. Рассказывалось много всяких историй об этом одиноком оазисе, расположенном в самом сердце пустыни Гоби.

...Пятого мая мы решили выехать очень рано, чтобы добраться до оазиса Шара-Хулусун и дать возможность нашим верблюдам как можно дольше по-

пасть в кустарниках оазиса. День выдался исключительно жарким. Два часа верблюдья тропа вела нас по широкому островкам спекшегося песка и пыли. Поверхность равнины была пересечена невысокой грядой известковых гор и дюн. Мы продвигались очень медленно, так как почва на низинах была топкой и верблюды часто проваливались в песок.

Оставив позади песчаную гряду, мы выехали на широкую долину, постепенно поднимающуюся к юго-западу. Около шести миль тропа шла по сухому руслу реки с многочисленными нагромождениями нанесенных с соседних обрывов обломков песчаника. Затем она вышла опять на гравиевую равнину, плавно поднимающуюся по направлению к горам Шара-Хулсун, уже четко вырисовывающимся на фоне неба. Валун, обломки горных пород и сухие стволы деревьев преграждали путь.

Около четырех часов дня, когда люди и животные совершенно изнемогали от непривычной жары, мы увидели несколько темных точек у подножья гор и у входа в узкое ущелье, скрытое за длинным уступом горы. Кто-то из караванной колонны закричал: «Деревья!» Мы не могли поверить своим глазам, так как большинство из нас были твердо убеждены, что в лучшем случае мы увидим только жалкие кустарники можжевельника. Но вдали были настоящие деревья: пустынный тополь, растущий по берегам реки. Все почувствовали прилив сил при мысли, что можно отдохнуть под сенью деревьев и разбить лагерь на зеленых луговинах.

Мы разбили лагерь в роше на берегу речушки, а караванных животных погнали вверх по течению реки в густые заросли кустарника.

Расположенное недалеко от монгольской границы ущелье всегда было излюбленным убежищем грабителей. За месяц до прихода экспедиции большой верблюдий караван по пути в Кучинг был ограблен здесь и один из погонщиков убит. Проводники монголы советовали нам быть настороже и ночью выставить караул.

Было уже довольно поздно, около девяти часов, и совершенно темно, как вдруг один из наших монголов, погонщик верблюдов, охранявший животных в ущелье, ворвался в лагерь с тревожной вестью, что в ущелье он видел вооруженных всадников. Во что бы то ни стало нужно было узнать, кто эти люди. В тот момент, когда мы решали, что предпринять, раздался громкий ружейный выстрел, и эхо его прокатилось по ущелью. За первым выстрелом последовал второй. Наш часовой на другом берегу дал сигнал тревоги, и все бросились к оружию. Часовой заметил в темноте двух вооруженных всадников, один на белом коне выехал из кустов и выстрелил. Какие цели у всадников? Было ясно одно, что они нападают на наш лагерь.

Прошло несколько долгих напряженных минут: стрельба стихла, но по доносившемуся шуму мы заключили, что большая группа людей и животных передвигается по ущелью и приближается к лагерю. Трудно было удержать наших: им хотелось стрелять в каждое темное пятно, появляющееся вдали. Нужно было срочно установить, кто были нападающие и где они. Я принял решение отправиться с группой разведчиков под прикрытием стрелков. Тибетец вызвался идти в разведку и исчез в кустах.

После продолжительного отсутствия тибетца вернулся. Он рассказал, что перед нами большой караван из Коко-хото, направляющийся в Кучинг и Урумчи. Когда тибетец подошел к их лагерю, все люди, сидящие у костра, вскочили, погасили костер и приняли его в полном молчании. Затем они начали умолять пощадить их, так как уверились, что пришедший был из большой шайки бандитов, разбившейся в ущелье. Они даже обещали ему

большое вознаграждение деньгами или товарами. Караванщики были чрезвычайно напуганы, и тибетцу стоило большого труда объяснить им, что мы научная экспедиция.

Суббота, 7 мая. День обещает быть жарким. Над горизонтом нависли тучи. Повсюду песок: дюны простираются далеко на юг. Мы начали готовиться в путь около полудня. Монголы-погонщики поят верблюдов, подгоняют седла и смазывают мазью кровавые раны на боках животных. Шерсть скатывается под седлом, и от постоянного трения стирается кожа. Раны увеличиваются и становятся открытыми, и тогда лечение почти невозможно. Около двух часов дня весь караван в три колонны начинает марш по направлению к югу. Пройдя пояс дюн, простирающийся до края горного хребта Гоби, караван идет по необъятной, покрытой гравием равнине. Черная поверхность каменной пустыни сверкает таинственными опаловыми оттенками. В раскаленном воздухе дрожат миражи — озера, острова с берегами, поросшими зеленью.

Впереди три дня пути по безводной пустыне, и люди и животные каравана уныло идут по едва заметной тропе. Сохранить силу верблюдов — главная забота во время долгих переходов по пустыням. В противном случае грозит великая опасность. Мы проходим через узкое ущелье, заваленное огромными валунами, затем низкий песчаный хребт изрезанных гор, известных под названием Хан-иннуру, который, как и большая часть горных цепей юго-западной части Гоби, простирается с северо-запада на юго-восток. По обеим сторонам тропы круто поднимаются гранитные утесы, чередующиеся с темными, почти черными массами базальта. Вершины гор увенчаны фантастическими образованиями выветренных горных пород, принимающих формы неприступных замков или крепостей, охраняющих караванный путь.

И снова черный гравий Гоби. Верблюды движутся мерным шагом, уныло покачивая головами, как будто ищут конца пути по каменной пустыне.

Мы пытаемся пройти как можно больше. Как величествен бывает рассвет и закат в пустыне! Вдруг закат начинает сверкать темно-пурпурными красками, и необъятная равнина искрится ослепительным багровым светом. Еще несколько секунд интенсивного яркого блеска, затем краски постепенно исчезают, и огромное пространство пустыни погружается в темно-лиловую тьму. Появляются звезды на удивительно темном небе. В атмосфере, почти полностью лишенной влажности, звезды кажутся необычайно яркими, словно тысячи ламп, горящих вокруг невидимого алтаря. К одиннадцати часам восходит луна и мягким голубоватым светом освещает пустыню — мертвое сердце Азии, — покрытую гнетущим черным камнем. К полуночи караван останавливается, разбираются палатки, и верблюдов привязывают недалеко от лагеря.

ЦАЙДАМ

13 сентября 1927 года. Произошло ожидаемое столкновение. День был пасмурный, и тяжелые тучи нависли над горами. Караванная тропа шла по правому берегу реки Нейджи. Между плывущими облаками, туманом и возвышающимися горными вершинами время от времени можно было видеть снежные пики и ледники горного хребта Марко Поло. В этот день колонна экспедиции шла обычным порядком: впереди колонны — небольшой головной отряд под командой европейца, затем руководитель экспедиции с остальными членами и несколькими монголами, за ними следовали мулы, груженные легкой поклажей. На некотором расстоянии за мула-

ми шла колонна верблюдов с тяжелым багажом. Колонну верблюдов охраняли несколько вооруженных всадников под командой одного из европейцев. Как только мы достигли северного склона перевала Элис-дабан, то увидели, что по тропе, левее нашего маршрута, стремительно скачут всадники. Кто они? Может быть, они пытаются выйти во фланг? Много вопросов промелькнуло в уме, но размышлять было некогда. На огромной скорости всадники неслись к экспедиции, и гулкий топот копыт их лошадей зазвенел в воздухе. Все они были вооружены современными винтовками, саблями, и у некоторых были пики. Наш проводник, монгол, бледный и перепуганный, отчаянно жестикулируя, бросился назад к реке с криком «Аранган! Аранган!» («Бандиты!»). Он был единственный из присутствующих, покинувший свой пост; все остальные проявили большую смелость и стойкость духа. Столкновение казалось неизбежным. Руководитель экспедиции приказал нам занять боевую позицию на вершине холма. Головной отряд, прикрывавший колонну, оттянулся к главным силам. Все заняли свои позиции. Было слышно, как заряжают винтовки. «На расстоянии трехсот ярдов мы будем стрелять!» — прокричал полковник, командовавший боевой частью экспедиции. И вражеские всадники дрогнули.

Еще несколько мгновений, и они остановились беспорядочной массой. Мы видели, что сабли вкладывались в ножны. Несколько человек спешили и начали между собой какую-то оживленную перебранку. Наша непоколебимость показала бандитам, что они имеют дело с хорошо вооруженным караваном и что их нападение на нас на открытой местности приведет к большим потерям. Поэтому они остановились и направили в наш лагерь несколько человек для переговоров. Мы вышли вперед, а в качестве меры предосторожности наши всадники окружили отряд. Никогда в своей жизни мы не видели таких бесчеловечных, грубых лиц. Большинство из них оказались молодыми людьми, вооруженными саблями и современными винтовками. Старик с седой бородой был предводителем шайки. Они пришли с повинной. Превосходство нашего огнестрельного оружия заставило их изменить первоначальное решение.

После непродолжительной остановки мы снова отправились в путь.

ВЕЛИКОЕ ТИБЕТСКОЕ НАГОРЬЕ

6 октября 1927 года. Экспедиция отправилась в путь очень рано, с тем чтобы до полудня добраться до Шенг-ди, где можно было у местных кочевников закупить запасы продовольствия. Долина реки, по которой проходил наш караван, стала шире, и на прилегающих склонах гор виднелись стоянки кочевников с отарами овец и стадами домашних яков. Пройдя семь миль по удобной дороге, внезапно мы увидели группу людей, стоящих на тропе. Оказалось, что это были полицейские, которые имели строгое предписание остановить экспедицию и послать сообщение верховному комиссару Хора, находящемуся в Чуна-ке. Большинство — неопытные молодые люди без оружия. Вместо сабли у одного из них был за поясом рог антилопы. Начальник отряда из всех сил старался показать свои добрые намерения: он высовывал язык и показывал большой палец, упрашивая нас задержаться всего только на один день в Шенг-ди, чтобы дать ему время отправить рапорт о нашем прибытии верховному комиссару.

Мы решили остановиться, так как намерены были вступить в страну спокойно, считаясь с требованиями полицейских сторожевых охранений.

Все местное население пришло в наш лагерь, молодые люди с длинными взлохмаченными волосами, ниспадающими со лба, одетые в овчины, отороченные полосками черной материи, в высоких тибетских сапогах, изготовленных из грубой домотканой материи и кожи. У некоторых лица были намазаны черной пастой, чтобы защитить кожу от зимнего ветра. Начальник отряда, успевший надеть на себя новую овчину, пришел в наш лагерь и начал составлять рапорт.

28 октября. Тяжелые тучи нависли, утро холодное и туманное. Чуна-ке представляет собой унылую картину: всюду снег и мрачные черные тибетские палатки. Кочевники покинули Чуна-ке, и невозможно стало доставать в достаточном количестве топливо и корм для животных. Отправили письмо, адресованное лично Далай-ламе.

На следующий день опять — 20 градусов. Юго-западный ветер, временами идет снег. Ночью несколько волков подбирались к нашему лагерю, но собаки всякий раз отгоняли их. Мы попросили разрешения стрелять по волкам, но начальник нам отказал, так как в Тибете стрелять в животных строго запрещается.

Стаи голодных собак бродили в окрестности, время от времени они нападали на людей. Целые стаи грифов кружили над лагерем. Их наглость была столь велика, что они утаскивали продукты из палатки, где находилась кухня, и даже уносили чашки. Огромные птицы пожирали туши животных, оставленных проходящими караванами.

...31 октября. Термометр показывает — 25 градусов по Цельсию. Нашим изголодавшимся караванным животным в день скормливаем только один фунт зерна, травы нет совсем. Верблюды катастрофически теряют силы. Ночью голодные животные бродят по лагерю. Мы заметили характерную особенность у лошадей и у мулов. Перед смертью они неизменно пытались войти в палатки, как бы отыскивая более защищенное место. Утром мы находили их мертвыми.

...7 ноября. Мороз усилился, и термометр показывает — 40 градусов. Несколько человек страдают от сильной простуды, которая, по свидетельству врача, легко может перейти в воспаление легких, если нам придется еще оставаться здесь. Монголы с трудом передвигаются, распухли лица, руки и ноги.

...16 ноября. Профессор Н. Рерих заболел и должен оставаться в постели.

...24 ноября. Самое холодное утро, которое мы пережили у Ворот Тибета, — 45 градусов. Стаи голодных собак становятся серьезной угрозой — они напали на наших людей, вышедших из лагеря. В этот же день растерзали три овцы. Ночью было невозможно спать от их непрерывного воя и лая. Они подбирались к палаткам и таскали продовольствие. Местное население говорит, что необычный снегопад — наказание, посланное за непонятное поведение правительства Тибета по отношению к экспедиции.

...28 ноября. Пришел начальник и принес письмо от верховного комиссара. После обычных вежливых фраз верховный комиссар просит извинить его за то, что он не отправил письмо Далай-ламе. Он возвратил письмо... Было ясно, что верховный комиссар избавляется от ответственности и не в состоянии дать исчерпывающий ответ от имени правительства. Мы немедленно отправили послышного с сообщением о намерении отправиться сразу в Нагчу для переговоров относительно нашего дальнейшего пути в Индию.

...7 декабря. Из Нагчу прибыл солдат и привез наше письмо обратно нераспечатанным.

на стр. 42 ►

Меч Гесэра.

Слово о Рерихе

У подножия Гималаев, в Кулу, стоит камень, обломок первозданной скалы, на котором высечена надпись: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года...»

На родине Рериха в пахучих зарослях можжевельника, под покровом сумрачных елей и сосен прячутся груды таких же, как этот камень, диких могильных камней. Они получили в народе название «жальники». «Жальники» — так и называется одна из крупных ранних археологических работ Рериха.

В этом слове слышится древняя как мир жалоба на утрату близких людей. Жалость об ушедших в страну, откуда нет возврата. О ней звенят печальные звуки пастушьей свирели, жалейки. Вот откуда, быть может, та задумчивая грусть и тишина, которые струятся от картин раннего Рериха, вещающего певца языческой старины Русской земли, последнего ее Бояна.

И в творчестве Рериха-археолога, автора работ, посвященных древностям Новгородской и Псковской земли, с такой же эстетической богатырской силой звучат мотивы героического прошлого русского народа, гордости за наше великое культурное наследие, за вечные памятники нашей культуры. И гордости и гнева — «Застрелили Пушкина и Лермонтова, отлучили от церкви Толстого, препятствовали Ломоносову и Менделееву войти в Академию наук. Можно написать ужасающий синодик... всяких поношений и разрушений», — пишет он Булгакову в январе 1937 года. Этими чувствами, этой борьбой за все русское, народное, фольклорное наполнено творчество художника. И его «Гонец», и «Варяжское море» с крылатыми, как лебеди, ладьями на синем море, «Покорение Казани», «Сеча при Керженце», «Князь Игорь» и многое, многое другое, не исключая

грандиозных по размаху церковных росписей и мозаик. Именно не исключая этих росписей и мозаик, потому что и в них вместо официального казенного православия царит иной дух народного эпоса и сказочного полета фантазии.

И вот уже в полной зрелости своего таланта, на вершине лет художник начинает новый путь. На этот раз не в Рим и не в Париж, не в Швейцарию, а в иные и далекие страны — на Восток.

Об этом новом этапе в творчестве Рериха, отмеченном грандиозными открытиями в познании духовного мира и художественной культуры Востока, новыми вкладами в мировоззрение самого мастера, написано много статей и книг.

Так много, что все это даже как бы отодвигает и заслоняет первый северный этап. На самом же деле одно не может быть понято и раскрыто полностью без другого. Между ними пролегает не пропасть, а сохраняется незримая, но осязаемая связь.

Эта связь — в гуманизме мировоззрения Рериха как художника, мыслителя и при этом не созерцателя, не отшельника, а человека действия.

С самого начала, с детства он живо и непосредственно откликался на все, что откладывалось в его душе. Здесь был наряду с Древней Русью драгоценный вклад Запада — древней Скандинавии с ее мужественными сагами, валькириями и викингами, витязями в кованых латах, чудовищными великанами страны льдов, с «Тристаном и Изольдой» Вагнера, «Сестрой Беатрисой» и «Принцессой Малейн» Метерлинка. Но столь же рано его воображение захватило красочные образы далекой Индии, Японии и даже легендарной Атлантиды. Так появляется стройная девушка Девасари Абунту, опирающаяся на изукрашенную колонну древнего храма, а около нее голубые, янтарно-желтые и синие птицы, сродни Сирину и Алконосту русского эпоса. И уже создан был «Индийский путь» — прообраз реального пути, по которому много лет спустя поведет он свой караван через пустыни, горы и степи Центральной Азии навстречу стране чудес.

Мощь пещер.

Теперь, как и прежде, Рерих остается верен археологии: он ищет следы великих переселений народов, на его пути выселись ряды каменных столбов — менгиров, таких же, как в языческой Скандинавии. По шершавой коре валунов выбиты были камнем загадочные изображения, оставленные почитателями сил природы в далекие буддийские времена: козлы, охотники с луками, колесницы.

Но больше всего художника захватила природа Центральной Азии, такая же первозданная, девственная, как во времена Пржевальского, — с ее дикими лошадьми, яками, куланами.

На тысячи километров расстились горные хребты, покрытые шапками вечных снегов, бесконечные степи с редкой травой у их подножия, а то и совсем пустыне, покрытые черной галькой — черная Гоби, солончаки и снова горы. Суровая природа окружала здесь человека.

Но какие глубокие, чистые и яркие сверкали здесь краски, а вместе с тем необыкновенные для европейского глаза, как причудливы и необычны изломы скал и контуры зубчатых гор! Мне помнится, как при первых лучах солнца огненным взлетом, гигантским факелом вспыхнули вдруг скалы с гнездом драконов-динозавров в пустынной долине Баиндзака. И тут нам стало понятно, почему Эндрюс назвал эти причудливые, как средневековый замок, обнажения красного гобийского песчаника «Пылающими скалами». Во сколько же раз больше чудес мог увидеть и увидел здесь глаз такого художника, каким был Рерих!

Так в палитре Рериха, на его полотнах возник целый мир, неизведанный, таинственный и манящий. В этом мире кочевали тысячелетиями со своими верблюдами, ослы, с черными руками и лицами от рождения, не знавшие мыла, питавшиеся у своих костров сырым мясом, жившие в черных палатках из заячьей шерсти. Из скалистых убежищ на мирные караваны внезапно налетали хищные разбойники, почти такие же дикие, как грифы-стервятники и волки пустыни. И так же контрастно, как черная Гоби и вечные снега Гималаев, противостояли друг другу пусты-

ня кочевников и очаги оседлости — монастыри. Каждый из этих монастырей был, как тысячу лет раньше, в средневековой Европе, местом, где историки, философы печатали и писали от руки книги, где трудились мастера живописи и скульптуры.

Каждый из них был музеем древней, но все еще живой культуры Востока.

Рерих с удивлением и восторгом наблюдал, как в искусстве Востока, в его мифологии и философии повторяются знакомые по сокровищам Европы мотивы и художественные образы, начиная с Троицы-Тримурти и вплоть до чаши священного огня — чаши Грааля.

Сердце художника целиком, без остатка, пленил фантастический и прекрасный мир древнего искусства Индии, Тибета и Монголии, с его то грозными, то пленительными образами, с его фантастически-богатыми сюжетами, созданными сотнями поколений мастеров.

Так родилась поражающая своей необычной красотой серия полотен, где на фоне Гималаев и Гоби-Алтая мчится воитель с силами зла — Гэсэр, шествуют бодисатвы в пышных одеяниях, где Будда опускается на дно океана за скрытой в нем Истиной.

И если перевести все это с языка красок на обычный наш язык, то это и был вызов расизму, идеологии колонизаторов. И вспоминаются слова С. Коненкова: «Нравственные принципы Н. К. Рериха в области охраны культурного наследия человечества стали нормами международного права».

Рерих шел навстречу Востоку и видел то, о чем писал до него другой русский исследователь культуры народов Центральной Азии — Г. Н. Потанин, видел, что культуры Запада и Востока тысячелетиями, начиная со времен скифов и их звериного стиля, проникали друг в друга. Обменивались ценностями и создавали новые, невиданные сплавы.

Академик А. ОКЛАДНИКОВ

В снегах Тибета.

▼ со стр. 39

КОЧЕВНИКИ ХОР-ПА. ОТКРЫТИЕ «ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ»

Декабрь 1927 — январь 1928 года. Обширная горная область Тибета к северу от Нагчу известна под названием Хор, и кочевники, населяющие этот район, называются хоры (хор-па).

В тибетских исторических летописях название «хор» обычно обозначает племена монгольского или центральноазиатского происхождения, которые с VIII по IX век нашей эры постоянно совершали набеги на Тибет и в особенности на северо-восточную границу его.

В современном тибетском разговорном языке слово «хор» обозначает «кочевник смешанного происхождения», который обитает в районе между областью, населенной племенами паногов и голоков, и областью Великого Озера. Пять племен хоров, живущих на северных и южных склонах горного хребта Цанг Ла, представляют собой пять отдельных родов. Самый крупный род насчитывает около тысячи юрт с населением приблизительно от четырех с половиной до пяти тысяч человек, меньшие роды имеют около четырехсот юрт.

Единственное занятие населения — скотоводство.

Путь к оазису.

Скотоводство всегда было типичным занятием хоров, но разведение скота осуществляется на таком примитивном уровне, что породы крупного рогатого скота и лошадей быстро вырождаются. Хоры не запасают сена на зиму, считая, что это приносит вред божествам земли. Всю зиму стада бродят под открытым небом.

Большую часть работы по дому выполняют женщины: доят коров, сбивают масло и делают тибетский сыр, дубят кожи и прядут шерсть для грубых тибетских тканей. Мужчины в летние месяцы уходят с караванами и возвращаются поздней осенью, до того как снег засыпает перевалы, с запасом ячменя и «цзампа» на зиму. Когда мужчины дома, они стерегут стада яков и овец — отнюдь не легкая обязанность на таких высотах.

Одним из самых значительных достижений экспедиции было открытие «звериного стиля» в искусстве кочевников Северного Тибета.

Характерной особенностью «звериного стиля» является наличие декоративных мотивов, в основу которых положено изображение животных; при этом фигуры животных размещаются так, что создаются необычайно красивые декоративные композиции. Некоторые из этих мотивов очень стилизованы, и истоки их развития коренятся в глубине веков. Художники, создававшие этот стиль, превосходно видели природу, очень хорошо знали повадки и характерные особенности изображаемых животных. Этот стиль распространился на огромной территории и стал типичным для всех кочевников Азии. Центр прекрасной культуры кочевников, которая оказала сильное влияние на искусство его более цивилизованных соседей, находился в горах Алтая — районе, изобилующем золотом, рудами, покрытом растительностью, нередко изображаемой на предметах «звериного стиля».

Трудно сказать, связан ли «звериный стиль» с каким-либо определенным этническим типом людей. Я склонен считать, что он возник у кочевников и охотничьих племен разных этнических групп, но живущих в среде, имеющей много общего, ибо только так мы сможем объяснить широкое распространение «звериного стиля» от границ Южной России до границ Китая и от сибирской тайги до величественных вершин Транс-Гималаев в Тибете.

Тибет всегда был открыт для кочевников с северо-востока. Именно оттуда пришли предки современных тибетцев. Высокогорное плато Кукунор, поднятое в среднем на высоту около десяти тысяч футов, и окружающая горная страна имели достаточно пастбищ для кочевых племен. Именно с этого огромного пространства пришли древние тибетцы, вытесненные могучим потоком каких-то других племен, и вынуждены были искать новые пастбища, наводняя долины и плоскогорья Тибета.

В исторические времена племена Тибета имели широкие связи с иранскими и палеоазиатскими племенами, кочующими по необозримым просторам, простирающимся до границ Китая. Современные исследования установили, что иранские племена являлись как бы переносчиками «звериного стиля». В эпоху Хань (206 год до нашей эры — 220 год нашей эры) было введено в употребление иранское военное снаряжение в Китае, а с ним пришла туда и богатая декоративность в «неозверином стиле», названном так в отличие от скифского звериного стиля южных степей России.

Значительные находки тканей и металлических предметов в «неозверином стиле» были обнаружены генералом П. К. Козловым в горах Ноин-ула на север от Улан-Батора, но ничего не было известно о существовании этого искусства в Тибете. Из находок экспедиции Н. К. Рериха, сделанных во время

вынужденной пятимесячной стоянки, следует, что именно этот стиль был «в моде» в Держе — районе, производящем металлические изделия, имеющем свои художественные традиции. Этот стиль также культивируется у хоров. Кожаные сумки для кремня, пояса, серебряные и бронзовые коробочки для талисманов и металлические пластинки выполнены в тибетском «зверином стиле».

Интересно сравнить две находки. Одна из Держе, северо-восточный Тибет, другая была обнаружена экспедицией Козлова в могильниках в горах Нонн-ула, Монголия.

Пряжка чеканной работы (железо, покрытое серебром) из Держе изображает льва с головой, повернутой влево, в сторону зрителя. Грива животного взлохмачена и стоит дыбом. Все линии тела напряжены. Он сидит на задних лапах, с поднятым вверх хвостом, как будто бы прислушивается к шороху, готовый прыгнуть. На фоне изображены два стилизованных дерева. Волнистые линии внизу — стилизованные горы.

Среди предметов, обнаруженных экспедицией Козлова в могильниках Нонн-ула в Монголии, тоже есть пряжка чеканной работы. На ней изображен стоящий буйвол или зубр с наклоненной и повернутой влево головой.

Сравнивая эти две пряжки, легко заметить большое композиционное сходство. В обоих случаях животное повернуто левым боком к зрителю и смотрит прямо на него. Одинаково изображена шкура животных. И там и здесь два стилизованных дерева служат фоном. Деревья на первой пряжке раскинули ветви над головой льва. Эти деревья из более теплого климата, а две сосны на находке Козлова говорят о ее северном происхождении.

Думаю, что эти два предмета отображают «звериный» мотив, бытующий в искусстве кочевников Внутренней Азии, но пряжка со львом происходит из южных частей этой области, а пряжка с зубром была создана на северной границе ее.

Металлические украшения, изображающие фигуры животных и птиц, можно часто видеть на поясах, которые носят тибетские кочевники. Экспедиция приобрела несколько таких поясов.

...4 января. Ночь холодная, термометр показывает — 30 градусов по Цельсию. К утру мороз усилился, и мы мерзли в наших летних палатках. В половине седьмого взошло солнце, и немного потеплело.

В полдень прибыли правители Нагчу. Мы все собрались в палатке. Они чинно вошли в палатку в сопровождении многочисленных слуг. Узнав о цели экспедиции, хан-по воскликнул, что ему очень приятно слышать об этом, но так как Тибет религиозная страна, не имеющая никакого отношения к внешнему миру, то правительство страны не разрешает иностранцам посещать Внутренний Тибет.

На следующий день губернаторы пришли снова. Они сообщили, что нам не могут разрешить пройти по Дам-Ла около Гяанг-зе, но что их правительство готово договориться о том, чтобы нам разрешили путь в Сиким через Намру, Наг-тшанг и Зага-дзонг. Нам оставалось только согласиться.

...19 января. Все поднялись чуть свет. День обещает быть хорошим. Распределив багаж между людьми, которые привели животных для экспедиции, мы отправились в путь. Итак, кончилась наша пятимесячная стоянка на земле хоров.

4 марта 1928 года все участники экспедиции будут помнить как день окончания пленения в него-степриимных нагорьях Тибета.

Перевела с английского М. ДРОЗДОВА

В заключение нашей публикации мы приводим отрывки из книги Н. К. РЕРИХА «АЛТАЙ — ГИМАЛАИ», которые можно озаглавить:

ОБРАЩЕНИЕ К БУДУЩИМ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМ

Спрашиваете, как мы обходимся без театров? У нас театр ежедневный, только без подмостков, а в жизни. То китайский театр — с легендами о небывалых народах. То зловещий балет кашмирских купцов — шайтанов. То угрожающий монолог полицейского. То драма разбиваемой волнами лодки. То процессия коней. То тихие вечерние песни. То фуриозо града и землетрясения. И не нужно вешать ветшающие холсты, не надо марать лиц, когда весь мир участвует в мистерии эволюции. Когда обновленные понятия входят в жизнь повелительно в новообразованиях вселенской красоты.

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса — какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза! Древняя медицина утверждает, что смех очень полезен для очистки щитовидных желез. Как же должна быть полезна улыбка для мозга! И дрожащее заклятье страха превратится в смелый клич радости.

Вам, молодым друзьям, напоминаю: запаситесь одеждой и на жару, а главное — на холод. Холод наступает быстро и пронзительно. Неожиданно перестаете чувствовать конечности. Всегда имейте под рукою аптечку: главное внимание — зубы, простуда, желудок. Имейте бинты для порезов и ушибов. В нашем караване уже все это пригодилось. Всякое вино на высотах очень вредно. От головной боли — пирамидон. Не следует кушать много. Очень полезен тибетский чай. Это скорее горячий суп, и хорошо согревает, легок, питателен, а сода, в него входящая, сохраняет губы от болезненных трещин.

Не перекормите собак и лошадей. Иначе начнется кровотечение, и животное придется приканчивать. Весь путь усеян следами крови. Следует проверить, были ли кони уже на высотах. Многие неиспытанные кони погибают немедленно. И стираются на трудных переходах все социальные различия, все остаются именно людьми, равно работающими, равно близкими к опасностям. Молодые друзья, вам нужно знать условия караванной жизни в «пустынях», только на этих путях вы научитесь бороться со стихиями, где каждый неверный шаг — уже верная смерть. Там вы забудете числа дней и часы, там звезды заблестят вам небесными руннами. Основа всех учений — бесстрашие. Не в кисло-сладких летних пригородных лагерях, а на суровых высотах научитесь быстроте мысли и находчивости действия. Не только на лекциях в тепле натопленной аудитории, но на студеном глетчерах создаете мощь работы матери; и вы поймете, что каждый конец есть только начало чего-то, еще более значительного и прекрасного.

Опять пронзительный вихрь. Пламя темнеет. Крылья палаток шумно трепещут, хотят летать.

Комментарии и научная редакция доктора
искусствоведения лауреата премии
имени Дж. Неру С. ТЮЛЯЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ КОТЛОВ, ГЕОРГИЙ ШУМЕНКО — Самолеты улетают в горы	2
Ю. ШКОЛЕНКО — Космос человека	9
АНАТОЛИЙ МАКАРОВ — Я не прощаюсь с Варшавой...	13
МЕРРИ ОТТЕН, АЛЬБАН БАНСА — Балийское волшебство	20
ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО — Игра в прятки по-парагвайски	28
С. ФАН — Когда не было бумаги...	33
Н. ДУРАСОВ — «Марко Поло» терпит бедствие	34
Ю. РЕРИХ: пустыня покоряет сердце	36
А. ОКЛАДНИКОВ — Слово о Рерихе	40
Н. К. РЕРИХ — Обращение к будущим путешественникам	43
ВИЛЛИ БРЕЙНХОЛСТ — Еще раз о скандинавах	44
Загадки, проекты, открытия	45, 63
АНАТОМИЯ СЕНСАЦИЙ	46
А. ХАРЬКОВСКИЙ — Хлебников и другие	55
ВИКТОР ПУЛЬКИН — Вепские орнаменты	58
А. ХАЗАНОВ — После «Арго»	64
М. КЛИМОВА — Рецепты, которые вам не пригодятся	67
МАНУЭЛЬ ЭЛИСАЛЬДЕ — Тасадай манубе нас ждали	68
РОБЕРТ ТРОНСОН — Будни контрразведчика	72
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
К. БЛОЧНИКОВ — Не все коза умеет	80

На первой странице обложки: ЛЕСОТО. Традиционный орнамент на стенах домов народа басуто. О зашифрованном смысле орнамента читайте на странице 33.

На второй странице обложки: АРАЛЬСКОЕ МОРЕ. Рыбаки и улов на берегу. Только корабли ночуют в лагуне.
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/II 1972 г. Подп. к печ. 14/III 1972 г. А06847.
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 400 000 экз. Заказ 140. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

НЕ ВСЕ КОЗА УМЕЕТ

У козы много достоинств. К тому же она удивительно неприхотлива — ухода не требует почти никакого, а ест все, что на глаз попадется: траву, листья, солому, кору деревьев, старые газеты и театральные афиши.

В горных непальских деревушках нет театральных афиш, и газет крестьяне обычно не выписывают. В дождливый сезон козы пасутся, под корень съедая траву. После травы наступает очередь нежных листочков, которыми усыпан невысокий кустарник; потом козы обгладывают кору с тонких деревьев. На высокие большие деревья коза в то время еще и внимания не обращает — кора там толстая, не прокусишь, а листья высоко.

Дождливый сезон сменяется сухим, и даже та трава, что уцелела от коз, начисто выгорает. Хорошо еще, что в сухой сезон начинают осыпаться листья с дерева сал — высокого, метров под сорок, и толстого — в три-четыре обхвата. На какое-то время коза обеспечена обедом, благо саловы листья мясистые и сочные. Но когда дерево обнажается совершенно и лишь самые стойкие листья венчают его вершину, на помощь козе приходят люди. Женщины забираются на головокружительную высоту, рвут листья и бросают вниз. (Все это вы видите на третьей странице обложки.)

Тяжелая работа — сколько деревьев надо облазить, чтобы заpastись впрок, а что поделаешь: надо же козе помочь, ведь без нее в хозяйстве не обойтись, а при всех ее достоинствах верхолаз из козы никудышный...

К. БЛОЧНИКОВ